

ХРОНОТОПИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ПРОЗЕ ЯКУБА КОЛАСА И ИВАНА БУНИНА

«Важнейшая форма психологизма в литературе XX века, захватывающая очень широкий круг явлений... от серебряного века до литературы наших дней – по мнению Л. Колобаевой – это психологизм хронотопический, когда пространство и время в произведении выступают в психологической роли». [1, с. 16]. Эту форму психологизма исследовательница зафиксировала в отдельных произведениях Бунина («Солнечный удар», «Чистый понедельник», «Жизнь Арсеньева») [1, с. 16–18].

Бунину, по Ю. Мальцеву, был свойствен дар вчувствования в природу, синхронный настрой на ее ритмы [2, с. 29]. Особую роль природного фактора в прозе Коласа отметил Д. Гальмаков: «Хараство, веліч, невычэрпнасць прыроды як бы ўзвялічвае чалавека, трывожыць яго думку, узбуджае імкненне да пазнання» [3, с. 61–62]. Оба писателя генетическими узами связаны с тем европейским регионом, где исторически сложилось особое отношение к природе, как фактору, воздействующему на формирование ментальности. Культ природы в ВКЛ – исторической родине предков обоих писателей – был непререкаемым. Известный этнограф Дж. Фрезер констатировал: «Когда миссионер Иероним Пражский (ок. 1380–1416) стал убеждать язычников-литовцев вырубить свои священные рощи, толпа женщин убеждала короля Литвы его остановить: разрушая леса, уверяли женщины, он разрушает дом Божий, который ниспослал народу дождь и свет солнца» [4, с. 118–119].

Отношение к природе, как к одушевленному существу, *очеловечивание* ее присуще творчеству обоих писателей от истоков до финала. Они не раз упоминали о роли природы в своем мироощущении и творчестве. И. Одоевцева записала слова Бунина: «Я... просто был влюблен в природу. Мне хотелось слиться с ней, стать небом, скалой, морем, ветром... Я выходил утром страстно взволнованный и шел в лес, как идут на любовное свидание» [5, с. 28]. В творческом кредо героя «Жизни Арсеньева» заявлено стремление уравнивать природу в одухотворенности с человеком: «Нет никакой отдельной от нас природы <...> каждое движение воздуха есть движение нашей собственной жизни» [6,5, с. 183]. Знаменательно и следующее признание: «Я ведь <...> протокольно о природе не пишу ... даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души» [7, с. 201]. В этом же признался и Колас: «у кожным моманце прыроды ўсё <...> было напоўнена глыбокай цікавасці і сэнсу, і кожны бачны элемент прыроды меў <...> свой воблік, акрэсленую індывідуальнасць, сваё пэўнае жыццё, свядомае, адухоўленае» [8, с. 15–16].

Основные персонажи Бунина (крестьяне и мелкопоместные) и Коласа (преимущественно крестьяне) местом жительства, родом занятий связаны с

открытым пространственно-временным континуумом, просторами родных ландшафтов (полей, лесов), небес над ними. Хронотопы – от локальных вплоть до космического – интонируют и иницируют пульсации чувств героев, «овеществляют» в конкретике локусов иррациональные всплески, пульсации богатейшей гаммы чувств, экзистенциальных, ментальных, патриотических. Чаще всего время и пространство в прозе обоих прозаиков предстают в субъективном восприятии персонажей, поэтому «выступают в психологической роли, образы меняющихся пространственных и временных восприятий <...> отраженно, косвенно освещают душевное состояние, чувства, переживания и мысли героя» [1, с. 16].

Функции хронотопов как фактора, определявшего не только эмоциональный мир, но и ментальность народов, особенно заметны в произведениях о детской поре и юности человека. Герой Бунина истинное пробуждение своей духовности, ментального истока нравственной чистоты ощутил в хронотопе весенней зари в поле: «воспоминание о весенней заре, чистой, как божий ангел, воспоминание о песенке жаворонка возвращает душе моей чистоту и невинность» («Песня жаворонка») [6, 2, с. 311]. Чистые, светлые эмоции коласовского подростка Михалки, из которого старший брат, перебравшийся в город, стремится «выбить» «деревенщину», исконное белорусское, иницированы хронотопом околиц родной деревни, небесами над ними. Чувства экстаза от свидания с родными местами выражено в светлых воспоминаниях подростка: «цяпер жа гэты лес быў такі мілы і жаданы, што каб прымеў, то абняў бы яго і цалаваў» [9, с. 107]. Несобственно-прямая речь подростка, выявляющая его чистую, искреннюю признательность родным небесам богата тропами: «сіняе неба ласкава звесіцца над зямлёю, як маці над калыскаю; «хмурынкі <...> ідуць так згодненька, такія мілыя ды прыветныя» [9, с. 106]. Мрачные предчувствия не по летам мудрого пастушка Базыля соотнесены с хронотопом осени в приеманских лугах. Его герой *озвучивает* в своем воображении: «Доўга ён прыслухоўваўся, але спевы былі нейкія невясёлыя, і яму стала *маркотна* і ўсё ішло, здавалася яму, сваёю дарогаю і жыло сваім жыццём, сярод якога ён пачуў сябе чужым» [9, с. 102]. Ментальную сращенность с хронотопом околицы родной деревни, эмоциональное ощущение его целебного воздействия постоянно ощущал и персонаж рассказа «Сірата Юрка». Неуют домашнего очага, страх за свои невинные прегрешения он преодолевает в лоне родного хронотопа: «Ён пазіраў на зялёныя пагоркі, на маладыя ўсходы ярыны. Над ім расцілалася сіняе неба. Па небе плылі такія слаўныя хмаркі» [9, с. 185]. В спонтанном потоке положительных эмоций, испытанных подростком на вершине дорогой ему сосенки, приоткрыты, как и других эпизодах, воздействия хронотопов на подсознание персонажа, как стимулов формирования ментальной культуры чувств белоруса.

Культура чувств дворянского отпрыска у Бунина соотнесена с хронотопом дворянской усадьбы и ландшафта, ее окружавшего («Антоновские яблоки»). Красота темпоральных картин, отражающих благополучие и достаток в барской усадьбе и на крестьянском подворье,

подспудно в своей мифопоэтической семантике ухода, увядания кодирует историческую исчерпанность прежней земледельческой матрицы бытия [10, с. 3]. Но чуткий к движению исторического времени художник сохраняет в эмоциональной памяти неувядающий аромат антоновских яблок, напоминающий постоянно о гармонии бытия, которую надо сохранить ментально в мироощущении и свидетелей уходящей в Лету эпохи и их последователей. Эмоциональная культура дворянского отпрыска, предшественники которого явили миру самобытную литературу, изящно оснащенную хронотопической конкретикой, была рождена ментальностью, воспитанной в приволье родных ландшафтов, в хронотопах русских полевых деревень, дворянских усадеб, наследственных библиотек, где зарубежная словесность перемешалась с отечественной, в хронотопах гостиных с портретами «хороших девушек и женщин, живших когда-то в дворянских усадьбах» [6, 2, с. 68].

В пространственно-темпоральных рамках ценностной парадигмы патриархально-земледельческой цивилизации сформированы эмоции пожилых героев Бунина и Коласа. Сокровенные воспоминания и чувства героя Коласа, доживающего свой век пожилого крестьянина, сопряжены с ландшафтным пространством его молодости, в котором была реализована его земледельческая функция. Напор эмоций в особой экспрессивности несобственно-прямой речи старого человека, инициированной упомянутым хронотопом. Здесь и повторы («Была ў яго маладосць, былі сілы і здароўе, радасці і надзеі, былі і нягоды»), эпитеты («гучны, поўны сілы голас»; «ціха ішоў за сошкай», *векавыя дзеравякі*), уменьшительно-ласкательные слова (*конік, зямелька, пасцелька*). В хронотопе дубравы («Старасць не радасць») «овеществлены» мысли старого Базыля о том, что он зажился на земле: «толькі ён, як той стары падгніўшы дуб, растраціўшы сваё лісце, стаіць між зялёнымі дубамі і ўжо не можа спяваць з імі ў адзін тон песню жыцця» [9, с. 97].

Состарившийся крестьянин у Бунина настроение умиротворенности перед сном стремится обрести в хронотопах родного ландшафта, эмоционально реставрировать шум леса, то, «как ходит волнами рожь по ветру и шуршит, переливается» [6, 2, с. 24]. Нарратор изображает мироощущение старого Кастрюка в суггестивных эпитетах, оттеняющих богатейший опыт крестьянского общения с родным ландшафтом: «тонко, нежно засинел воздух. *Безмятежнее и еще слаще*, чем днем, заливались жаворонки» [6, 2, с. 25].

Нередко в темпорально-ландшафтных хронотопах прозы обоих художников фиксируются социальные, патриотические чувства. Взволнованное восхищение красотой небес, негодование по поводу горькой судьбы родного края, деревенской нищеты выражено в гамме эмоций персонажа коласовских «Думак у дарозе». Всплеск эмоций, усиленный вопросительными и восклицательными интонациями, инкрустирующими раздумья персонажа в хронотопе ухабистой дневной и ночной дороги по просторам родного края вмещает многоаспектность патриотических

настроений – от констатации безнадежности, скорбных жалобных песен, которые «туманяць вочы слязьмі, плачуць і стогнуць і горкаю ўпікаю, ціхаю скаргаю плывуць к далёкаму, няведамаму, сіняму, спакойнаму небу», до мерцающей надежды на изживание этих скорбных мелодий [9, с. 17]. Хронотоп убогой белорусской деревни инициирует рой негодующих эмоций крестьянина-труженика Павлюка, который с самого утра за нищенскую плату гнул спину на господском лугу («Паўлюковы думкі»). Персонаж ждет обновления закоснелого крестьянского бытия, о котором Колас напоминает в ранних рассказах и в трилогии, в описании деревушки Тельшино: «Не: тут трэба такі паварушыць мазгамі» [9, с. 24].

Социальные эмоции различной направленности соотнесены с хронотопом поля у крестьян полесской деревушки («Бунт»). Дед Юрка тепло вспоминает о той поре, когда пашня принадлежала крестьянам: «На начлег сюды мы ездзілі... Пад гэтымі дубамі агонь калісьці клалі». Молодые крестьяне другой эпохи негодуют: «мужыкі хадзілі з хмурымі тварамі і мералі шырокімі крокамі поле, якое належала цяпер да двара» [9, с. 19, 20].

Минорное настроение жены лесника сублимировано в неумолчном печальном шуме зимнего леса («Васіль Чурыла»). Поток мыслей, эмоций, предсмертных сладких видений лесника, выявленных в несобственно-прямой речи, роится в хронотопе снежного поля: «Неба змяшалася з зямлёю ... усё роўна як нехта выкінуў яго, непатрэбнага, беднага ў гэтую зяўру страшнай ночы, прынёсшы ў ахвяру сярдзітай буры, каб яго жыццём купіць сабе спакой <...> думкі, бесталковыя, дзікія думкі заварушыліся ў ім скора-скора, як снег, які з усіх бакоў так бязжаласна сыпаўся на Васіля...» [9, с. 44].

У Бунина с хронотопами родных полей, деревень, курганов, небес над ними соотнесены переживания и чувства крестьян, вынужденных по причине безземелья и нищеты покинуть насиженные места [6, 2, с. 31–32]. Чувства и горести несчастных переселенцев «переданы» одушевленным курганам и звездам. Первые, земные, отчуждены от бед, горестей и радостей людей, «каких-то существ, которые проживут мгновение и уступят место другим таким же...» Зато другим, горним, дано право знать больше, излучать веру в святость людских страданий: «Одни звезды, может быть, знают, как свято человеческое горе» [6, 2, с. 50]. Нарратор зовет читателей–соотечественников сопережить человеческому горю переселенцев («На край света»). В хронотопах знаковых мест древней восточнославянской истории Бунин сублимирует патриотические чувства автобиографического персонажа, наделяя курганы его эмоциями и мыслями. Седой ковыль «в вековом забытти... только смутно вспоминает ... далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот...» [6, 2, с. 52]. Ощущение прилива витальной энергии на высоком берегу Донца герой соотносит с мироощущением воина полков Игоревых: «дико-радостно билось сердце» его, «когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен» [6, 2, с. 56].

Отчаяние ожидания невозможных утрат, бытийных и экзистенциальных трагедий, уготованных народу процессом перекодировки этнически-цивилизационной матрицы, «передано» очеловеченному хронотопу леса, одушевленным дендронами, даже погоде: «березы и сосны становятся все неприветливей, они хмурятся, собираясь толпами все плотнее и плотнее <...> от сплошных частей в вагонах темнеет <...> хмурится и погода ...» [6, 2, с. 201]. Отчаянное и решительное сопротивление новой дороге индустриализации в исполненных мрачных пророчеств «монологам» лесов: «Болтайте, болтайте! – важно и задумчиво говорят угрюмые и высокие чащи сосен. – Мы расступимся, но что несете вы в наш тихий край?» [6, 2, с. 202]. Угрюмые леса все неприветливее встречают поезд, он уподоблен гигантскому дракону, изрыгающему красное пламя.

Очень важная роль в художественном моделировании эмоционального мира бунинских и коласовских персонажей принадлежит космическому хронотопу, звездному небу. Коласовский старый Томаш на просторе родной земли ощутил экстаз породненности с мирозданием: «душа мімаволі адрывалася ад зямлі і ляцела ў невядомую высь, каб зліцца з хараством, з безмежнасцю гэтага таемнага, неразгаданага свету, і нейкая беспрычинная радасць разыходзілася па ўсім целе...» [9, с. 170]. Почти аналогичные эмоции, но более энергично (он все-таки молод), испытывает под куполом звездного ночного неба и герой трилогии, белорусский интеллигент, определяющий духовные векторы своей экзистенции. Гилюзоизм, одушевление локусов ландшафтов, курганов, дендронимов, родных небес у обоих писателей исполняют функцию адекватности подлинных человеческих чувств, соотнесенных или с эмоциями персонажей или способных вызвать сочувственный отклик, сопереживание в эмоциональном мире читателей. На такой отклик ориентированы предсмертные «стенания» срубленного молодого дуба в одноименном рассказе Коласа: «Вострая сталь глыбока ўрэзалася ў маладое дрэва, і гэты першы гук быў падобны да цяжкага, адрывістага кашлю, які вырываўся з глыбіні надарваных грудзей сухотніка... З кожным узмахам сякеры дуб слабеў і хістаўся, дрыжаў <...> усім сваім целам... Голья сукі <...> як бы развітаючыся з жыццём <...> аслабеўшы, асунуліся, і маладое дрэва цяжка ўпала, застагнаўшы, на зямлю» [9, с. 154].

Предрождественские настроения персонажа Коласа («Калядны вечар») имитируются в локусах зимнего леса: «перастаў хістацца, закрыўшыся белым снегам, усё роўна як узлажыў к святу чыстую кашулю» [4, с. 46]. Те же функции и в антропоморфизированных локусах весеннего неба накануне Пасхи: луна ведет себя, как хлопотливая хозяйка накануне большого праздника, звезды, как девушки прихорашиваться уходят в укромные места, «неба і зямля абняліся ў змроку і маўчалі» [9, с. 119]. Эмоциональный подтекст упомянутых действий сродни психологическим реакциям человека («Адгукнуўся»).

У Коласа локусы хронотопов чаще фиксируют социальные и личностные невзгоды. У Бунина нередко – и ощущения красоты бытия, личностного счастья, а не только регламентированной стальными

перегородками хронотопа «отеля со всеми удобствами» бездуховной и бездушной экзистенции сильных и богатых мира сего («Господин из Сан-Франциско»). Восхищение, очарование необыкновенной красотой юной цыганки персонаж бунинского «Костра» переносит в хронотоп летней ночи: «И в запахе росистых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звездах и в небе было уже новое чувство – томящее, непонятное...» [6, 2, с. 214]. В хронотопе летней ночи коласовскую героиню («Нёманаў дар») омрачает трагическое предчувствие: звуки, долетевшие с берега Немана до слуха Анны Зазуляк «зліваліся ў страшную музыку якогась няшчасця» [9, с. 83]. Бунинскую же юную героиню хронотоп майской ночи озарил предчувствием новой прекрасной любви: «Я кого-то любила, и любовь моя была во всем: в холоде и в аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой утренней звезде...» [6, 2, с. 233].

Обновляя художественную картину мира в реалистической системе начала XX века, Колас и Бунин явно полемизировали с утвердившимися в реализме XIX века прямыми и рационалистическими приемами художественного моделирования эмоционального мира человека, блестяще апробировали косвенную, сложно опосредованную хронотопическую форму выявления психологии человека. Это дало возможность не только почти адекватно запечатлеть богатейший спектр иррациональных наплывов эмоций, не управляемых рационализированным сознанием, но и актуализировать приоритет этнической темпорально-ландшафтной и бытовой среды как основного фактора, воздействующего на эмоциональный мир человека, его изначальную духовность. В богатых традициях ментальной духовности, регламентированной границами этнических хронотопов, Колас и Бунин в начале XX столетия ощутили мощный заслон идеологическим наваждениям эпохи перекодировки этнически-цивилизационной матрицы.

Литература

1. Колобаева Л. А «Никакой психологии» или Фантастика психологии? (о перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999. №2.
2. Мальцев Ю. В. Иван Бунин. Франкфурт на Майне, 1994.
3. Гальмакоў Дз. І. Стыль прозы Якуба Коласа. Мінск, 1973.
4. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1983.
5. Одоевцева И. Встречи с Буниным // Русская мысль. 1970, 22 октября.
6. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1987–1988.
7. Любимов Н. М. Несгораемые слова. М., 1983.
8. Аўтабіяграфіі Я. Коласа 1923, 1926, 1927 і 1956 гг. // Якуб Колас. Да 80-годдзя з дня нараджэння: бібліяграфічны даведнік /склад.: Н. Б. Ватацы [і інш.]. Мінск, 1962.
9. Колас Якуб. Збор твораў: у 12 т. Т.4. Мінск, 1964.
10. Кара-Мурза С. СССР: предпосылки краха // Лит. Газета. 2007. № 1.

